

МИХАИЛ ГУЦЕРИЕВ

ПЛОТЬ И СУТЬ

ИЕРИХОН

Гора искушения — зла Рубикон.
Ниже в пустыне стоит Иерихон.
Сотней веков город зачат,
Труб Иерихоновых слышен набат.

Вечности время кружит колесо,
Древнего Рима мерцает лицо.
Дерзкий Антоний — тень Клеопатры.
Стены багровые, солнца закаты.

Библии свет озарили страницы,
Миру открыли тайны темницы.
Дьявол Спасителя в пост искашал,
Гений Иисуса ему отказал.

Пишет история путь свой без грима:
Герб иудея, щит христианина,
Вера паломников, взгляд пилигрима,
Тени кровавые, меч Саладина.

Сборщик Закхея, пророка улыбка,
Ржавый песок, озарённые лица.
Русские люди, крест православный,
Плачь минаретов и звон поминальный.

Страсти кипят, иорданские воды,
Через страдания — война и невзгоды.
Беженцев круг, детские слёзы,
Крик интифады, еврейские дзоты.

Солнце встаёт, зажигает восходы.
Время рождает новые годы.
Спит в Палестине у гор Иерихон,
Дьявол устал, гони страшный сон.

ТРИ ТИРАНА, ТРИ ЛЮБВИ

Седые камни древности ведут меня к безумству,
И пыль дороги вечности разносит времена.
Любовь великой страсти стремится к совершенству,
У каждой власти есть своя цена.

Разносит страх историю столетий,
И миф сливается с реальностью в легенды.
Любовь сплетает цепь своих созвездий,
И правда жизни — только аргументы.

Между простым и сложным гений,
Меняет разум и сжигает города.
Страдает жизнь людей и поколений,
И цель одна: гори, моя звезда.

Александр Македонский — звёздная судьба,
Искандер, жестокий царь — славы нет конца.
Жизнь твоя — пример потомкам: жадная борьба,
Города в крови народов и судьба творца.

Между Тигром и Евфратом — рая колыбель,
Тень Роксаны с Александром бродят каждый день.
Буцефала стук копыт — вечности капель.
Плачет древний Вавилон — пыльная сирень.

Сулейман Великолепный — крепостное бремя,
Век войны и запах крови, голубой Босфор,
Музыканты и поэты, золотое время,
Ожерелья из Китая, розовый фарфор.

Между Азией, Европой дряхлый спит Стамбул.
Тихо шепчет лунный вечер: “Я тебя любил”.
Роксолана Сулейману: “Я хочу, люблю!”.
Стон несётся пять столетий: “Нет, я не забыл”.

Бонапарт — источник зла и король войны,
Век искусства, след костра, мясо на крови,
Галуны, аристократы, алый свет луны,
Грязь окопов, блеск Бурбонов, на затылке — вши.

Жозефина Бонапарту: “Ты мой бог, кумир!
Хочешь, солнце соберу, украду весь мир!
Возвращайся, буду ждать, приезжай в Париж!”.
Горько плачет над волной островной камыш.

Жозефине Бонапарт: “Отшумел Версалья сад.
Будут вечно помнить первый мой штандарт.
Не забудут грешники храбрый строй солдат,
На короне вензеля и любви азарт”.

Несёт ветер вечности чувства над землёй,
И любовь всегда сильнее порока.
Побеждает время умный, кто смелей.
Все надеются и снова ждут Пророка.

Три истории любви написал я между строк:
Три тирана, три страны в жизнь мою вошли.
Каждой рифме дал я срок, преподал любви урок:
Помнят тех, кто короли, остальные все ушли.

Я РОДИЛСЯ В ТАГАНРОГЕ

Тянулся мыслей страшный рой.
Сержант сказал: “Примкнуть штыки”.
Стоит над полем запах злой,
И страх рвёт сердце на куски...

Бегу вперёд, всё наугад.
Штык в мясо, слёзы на ветру.
Мой оппонент в ребро назад,
А в Таганроге зори поутру...

Бросаю нож, ногою в пах.
Он в спину мне вонзил лопату.
Мой рот в крови, смерть на устах,
Я видел ночью во сне папу...

Бью головой, ломаю нос,
Он мне зубами жилы рвёт,
Я — сверху вниз, он — не дорос.
А в Таганроге мама ждёт...

Я — руки в рот и пасть порвал,
Он — откусил два средних пальца,
Я — истекаю, он — пропал,
А с неба смотрят глаза старца...

Лежим в пыли лицом к лицу,
Пытаюсь локтем глаз пробить.
Я так устал, плевком кричу:
“Хочу домой, хочу любить...”

Он плачет, что-то мне кричит,
А я — глухой, убит мой слух.
Язык в ответ мой не молчит,
А в Таганроге тополиный пух...

Прошу: “Скорее умирай,
Я жить хочу, мне восемнадцать...”
Он мне сказал: “Там будет рай”.
А в Таганроге полночь, за двенадцать...

Вцепились в глотку и хрипим,
И наши тени встали в тень.

Над нами плачет Серафим...
А в Таганроге зацвела сирень...

Мы дрались долго, бой затих.
И наши чувства остывали.
Мы болью сделали триптих,
А на Азове волны спали...

Смерть дописала свой дневник,
И мысли, улыбаясь, исчезали.
Он в душу мне насквозь проник.
А в Таганроге ландыши завяли...

Мы рано утром до зари
С моим врагом в раю гуляли.
Мы в дружбе клялись на крови,
А в Таганроге свечи догорали...

РАЗГОВОР НАИСКОСОК

По комнате — зловещий смех,
Читаю заповеди вслух.
Из десяти я помню шесть,
Четыре оставляю злу.

Я строчкой делаю надрез
И рифмой сердце потрошу.
Со мною рядом дышит бес,
И я себе стихи пишу.

Я не живу, я в мире слёз,
Я однобок, души шматок.
Мои слова — сплошной курьёз.
И разговор наискосок.

Я гость, я просто лунный дождь,
От всех далёк и одинок.
В подвале ржавый длинный гвоздь
Забит крючком за потолок.

Мне нужен воздух позарез,
С луной за полночь диалог.
Я к совести в долги залез
И для крючка ищу предлог.

Я придумал трусливый вердикт,
Приговор от страха условный.
Ржавой бритвой в память проник,
И процесс в голове уголовный...

Что могут слёзы — ничего,
Просить, жалеть и вспоминать.
Итог не может одного:
Простить, надеяться и ждать.

Исток рождается с подлеска
И снег без ветра — не метель.
Сплетенье страсти — арабеска.
Любовь без секса — канитель.

Стреножит правду фарисей,
Беспольные слова без боли.
Не людям верят, а в людей,
С нуля до трёх — отсчёт для воли.

Без облаков вода — не дождь,
И сумерки рожают сутки,
Приходят, двигаясь насквозь,
Луны и солнца промежутки.

На всякий случай лицемерим,
Все иноверцы чернолицы.
Душа страдает от поверий,
И ближе к уху небылицы.

Интимный свет в постель влечёт,
Уродство прячется от страха.
Надменный взгляд — вполоборот,
Убогий видит всё вполглаза.

Когда в дороге тяжело,
Мы начинаем проклинать,
Мы возвращаемся назло —
За каплей каплю допивать,

Не уставая боль внушать,
Своим страданьем восторгаться,
Затылком вверх в кровать дышать,
Табачным дымом задышаться.

Мазок любви — цветок природы.
У каждой страсти свой пикник.
Уходят люди, исчезают годы,
Секунды пишут вечности дневник.

Для “да” и “нет” ответ заведом.
У взгляда разные подходы,
Мы придаём значения беседам,
Где главное не суть, а эпизоды.

Мы в падежах используем рода,
Не выгодно — как выгодно беседей.
Полегче средний — не добро и не вражда.
Смакуй любовь и исповедай.

Мы вождедем то, что видим,
Так подешевле и вкусней.
Нам трудно с тем, кто независим,
И не с руки, когда честней.

Нам рядом сесть порой за честь.
Бывает стыдно за версту.
Нельзя учесть, когда не счесть.
Последний день невмоготу.

Меняет разум голоса,
Несёт за временем молву.
Слова, обычные слова
Нас приближают к Божеству.

РУЧКОЙ НА ЛАДОШКЕ: “Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ”

Крестики — нолики, папины глаза.
Ручкой на ладошке: “Я люблю тебя”.
Крестики — нолики, мамина слеза.
Ёлка новогодняя, будто бы вчера.

Снеговик, Снегурочка и конфеты “Сказка”,
Новогодний вечер, Дедушка Мороз,
Мандарины, яблоки и смешные маски,
Запах никотина отцовских папирос.

Детские кораблики, лужи босиком,
Радуга цветная, грёзы за окном.
Бабушки наказания, время узелком.
В магазин за хлебом, сказки перед сном.

Пионерский лагерь, дружба на крови,
Летние концерты — крестники любви.
Горькая обида — вестница вражды,
Розовое детство, чёрные дрозды.

Двое на причале рядом у реки,
Алые закаты, первые стихи.
Синие туманы, белые буйки,
Светлые надежды, мамины духи.

Школьная зарница, фонари — жучки,
Проводы и встречи солнечной зари.
За грибами лесом, на дворе июль,
В сад за абрикосами и ночной патруль.

Крестики — нолики, юности загадка.
Краской на заборе: “Я люблю тебя”.
Школьные экзамены, старая тетрадка.
Песня под гитару: “Милая моя”.

Первая любовь, слёзы у костра,
Взрослые забавы, жгучая весна.
Лунная улыбка звёздного шатра,
Острым по скамейке: “Я люблю тебя”.

Голуби на крыше, мамины глаза.
Дерзкие ответы и упрёк отца.
Куртка на меху, модная аляска:
Кукла из сатина и сестры коляска.

Синие фиалки, запахи любви,
Танцы до утра, спящие цветы.
Проводы на службу, только подожди.
Письма бесконечные, серые дожди.

Талисман на шее — золотые пряди,
Клёны на аллее, жёлтые наряды.
Тёмные рассветы, листьев кружева,
Снятся поцелуи, спелая айва.

Крестики — нолики, дружная семья.
На траве постель, нежная спина,
Крестики — нолики солью из ружья.
Юность убежала, молодость видна.

Брюки клёшем, батники, старый саксофон,
Со сметаной драники, за столом в лото.
Кино с классом в праздники и аттракцион,
Ночь у телевизора, уроки на потом.

Рюкзаки за плечи, летние походы,
Пляжная прогулка, замки из песка.
Песни от Высоцкого — дайте нам свободы!
Пиво из баллона, чёрная треска.

Летом солнце южное, тихая рыбалка,
С пирса сальто сложное, водная война.
Чайка кружит белая, хитрая нахалка,
И купает берег буйная волна.

Небо целовало скалы с Эдельвейсом,
И гуляли звёзды с месяцем вдали.
Летние террасы, ужины с портвейном,
И кусали больно жёлтые шмели.

Крестики — нолики, взрослая судьба,
Юностью по сердцу: “Я люблю тебя”.
Разнесла по жизни зрелая страда.
Я живу отрывками, память теребя.

БЕЗУМИЕ

Календарь скукожился, устал,
Дни укрылись за историю столетий.
Я пропал, в безумие упал,
Между строк не вижу междометий.

Говорю с надрывом, на износ
И ищу слова на цепь событий.
Мысли скачут, бегают вразброс,
Речь становится сановней и маститей.

Я ищу суть истины соитий.
Не пойму — зачем и почему?
Связь любви изнеженных наитий
Тихо шепчет в ухо: “Посему”.

На окне гардины шевелятся.
Я сижу на корточках в углу.
В потолок навверх глаза косятся.
Я страдаю, рассуждая вслух.

За ресницами пугаются зеницы.
Стрелки подгоняют время к двум.
Циферблат задумчиво дымится,
И глаза слоятся наобум.

Я лишенец, горя ученик.
На спине копаются мурашки.
Научило время, соль постиг,
На лице надрез и две подтяжки.

Дверь шатается, грызутся голоса,
И в проёме ёмкая фигура.
На ковре рисунок палача.
Улыбаюсь, тихо балагурия.

Собираю мысли, бормоча.
Капли падают из крана.
Наливая двести первача,
На душе кровится рана.

Утопает ночь в стакане,
Через раз по три затяжки.
Нахожусь в самообмане,
Наливаю грог для кошки.

Дней уставших вереница
Ищет память в беготне.
Ночь, корявая блудница,
Прячется от ужаса во сне.

На оконной раме лица,
На стекле сплошной коллаж.
Голова змеи в глазницах,
В середине — жуткий глаз.

С перепуга говорю: “Скотина!”
Наливаю двести, пью с колёс.
Одиночество, глаза морщина,
Засияло в золоте волос.

За столом сидит сомнение,
Кто-то рвётся из утробы,
И душа, забыв стеснение,
Говорит: “Не бойся, пробуй”.

Мой соперник, моя тень,
Бьёт меня, в руке стилет.
Я держу в руках кистень,
Размахнулся — рикошет.

Бьёмся насмерть, не до смеха,
Мои силы покороче.
Тень кричит, заходит слева,
Примеряюсь, бью, что мочи.

Отбиваюсь, бой вприсядку,
Тень бежит за мной по кругу.
Душа метится в сопатку
И визжит: “Добьём ворюгу!”

Одиночество-подруга
Бьёт кувалдой по ноге.
Пропадаю, я испуган,
Кровь струится по губе.

Тень стилетом режет руку,
И душа берёт топор.
Одиночество-подлюга
Мне плюёт в глаза, в упор.

Кровь фонтаном, ругань в доме,
Я стараюсь тень убить.
Вижу чей-то взгляд в проёме.
Всё равно вам не добить!

Долго дрались, тень устала,
Без зубов и зло сопит.
Одиночество пропало,
И душа моя хрипит.

Наливаю всем по двести,
Память горькая, сиделец.
Я прошу, не надо мести,
И в проёме появляется пришелец.

И душа, бесстыжая мещанка,
Зашипела: “Вот он, супостат!”
Говорит: “Была ему служанка”.
Вместо слов проклятье, перемат.

Говорит: “Я стала оборванкой,
День и ночь блудила напрокат.
Негодяй, паскудная поганка,
Он порвал мне платье, виден зад”.

Моя суть от злости матерится,
Гость смеётся: “Перестань орать!”
Тень моя по-доброму кривится,
Надоело драться и страдать.

Достаю аптечку и бинты,
Делаю укол и ставлю чайник.
Одиночество с душою мне близки,
За столом втроём, напротив странник.

Начинаем разговор, мне тяжко,
Кто не первый — первый начинает.
Одиночество с душой — бедняжки,
Вытирают слёзы, обнимают.

Вы едины вместе, но не вместе.
Расскажите, что у вас случилось?
На каком, скажите, перехлёсте
Ваша дружба развалилась?

На пороге счастье загостилось.
Не пустили, и назад не вышло.
Не родили — значит, не родилось.
Дергали судьбу за дышло.

Меланхолия добавила разруху,
И депрессия сковала чувства.
Сумасшествие залезло в ухо,
И настигло счастье безрассудство.

Время пишет, время без грехов.
Обманулся и нашел измену.
Не хотел быть грешным без рубцов.
Я грешил, молился феномену.

Разорвал на сердце две аорты
И поставил гордость на колени.
Мне по нраву твёрдость и экспромты.
Я отрезал пальцы без гангрены.

Мне милее зависть, чем восторг,
И улыбка, скрытая назло.
Мне ханжа поближе, а не лорд.
Я мечтал, но мне не повезло.

Я пойду в дурдом с Наполеоном
И увижу строй его солдат.
Мы устроим там любовь с наклоном
И подскажем, где дорога в ад.

Мы поскачем на врачах галопом,
Ты увидишь лошадей с изъёмом.
Оскопим лекарствами, не скопом,
Там считают время виртуальным.

На коленях у кривых зеркал
Я одно увидел наизнанку:
Чёрт на скрипке вальс играл,
Бесы танцевали спозаранку.

Разрывая жилы, вены рву,
Скручиваю губы узелком.
Сам себе застенчиво шепчу:
“Лучше негодяи с кошельком”.

Я хочу любить одно, своё,
А ещё люблю слова, где месть.
Я люблю зело и просто зло,
Я люблю места, где любят лезть.

Я хожу за дьяволом с опаской,
Опахалом отгоняю мух.
Он умён, и он со мною ласков.
Люди распускают гадкий слух:

Он частями покупает душу,
Платит хорошо, готов вперёд.
Иногда он летом любит стужу.
Он не лицемерит и не врёт.

Я ногами землю прижимаю
И давлю крестом ладони.
Обнимаю тень, себя ломаю
И с луной сажу на небосклоне.

Я купался и ходил по морю,
Просыпался и бежал опять,
Был на Каракумах и Босфоре,
Научился чувства опреснять.

Снился белой ночью чёрный конь
И седло с каймой из красной кожи.
Дождь просил у облаков дисконт,
И земля твердила: “Будь построже”.

За венком слова, на сердце память,
Сохнут слёзы и скорбит любовь,
Эпитафия затем, сначала камень,
Голая душа без каблуков.

Комплексы порочные из детства,
Честь порой — смешная самоцель.
Жизнь канючит на погосте место,
Саван белый — вечности постель.

Я — исчадие уставшего порока,
Всё равно себя разрушу.
Хочу с кошкой выпить грога.
Я покой ваш не нарушу.

МОЙ ВТОРНИК

Не звони, не трогай мои раны,
Ну зачем слова, которых нет.
Знаю, это входит в твои планы —
Кинуть камень горечи вослед.

Мы сегодня ждём развязки,
Десять не забытых мною лет.
Ты звонишь и хочешь встряски,
Говоришь ехидно: “Ну, привет”.

Брак наш оказался не обетом,
Сын для связки — хрупкая стезя,
И моя любовь не стала вето,
Без надежды не звони зазря.

Не целуй мои воспоминанья,
Не хочу обмана глупой лжи.
И моих ночных обид мерцанье
Не терзай, не бери души.

Горький дух и радость наших дней
Пусть останутся пытаться меня.
Для любви — ты лучший из людей,
Но ты любишь только для себя.

За окном зима накрыла ели,
Снег метёт, и убирает дворник.
Слышу звук звонка — родные трели.
Да, я рада, что сегодня вторник.

Не забыл, и мне не всё равно.
У тебя всегда другие цели.
Расписал свой сборник ты давно.
Мои чувства снова закипели.

Позвони ещё раз на неделе,
Приходи ко мне, любовник.
Пусть всё будет, как в борделе.
Ключ я положу под коврик.

СОН ИЗ ТРЁХ ЧАСТЕЙ

В доме тихо, пустота.
За окном блестит луна.
Шум и страх из-за угла,
Звон в ушах и тишина.

Мефистофель у окна
Плачет и смеётся.
Вижу, чёрная спина
Тихо в дверь крадётся.

Вижу белый пароход,
Синих голубей.
Все слова наоборот.
Сон из трёх частей.

Тень души — мои глаза.
Снова надо мной
Источает кровь лоза,
Ночь ушла в запой.

Первый сон похож на сон:
Сидит в кресле бес,
Стоят люди на поклон
И кричат: “Воскрес!”.

Вальс танцует сатана
В красном зипуне,
Поёт оперу весна,
Ноты на огне.

Пляшут голые казачки
В серых сапогах,
Плачут чёрные скрипачки,
Слёзы на глазах.

С потолка летят осколки,
Черти на балу,
По углам четыре волка,
Слякоть на полу.

Плачет бывшая жена,
Профиль на стене.
Вижу руки колдуна.
Бес сидит во мне.

Второй сон похож на бред:
Я стою нагой.
Полумесяц, чёрный крест
Машут мне рукой.

Воздух дымом разогрет,
Слышу треск огней.
На столе стоит обед —
Блюдо из червей.

Язык бесов — игра слов,
Шепчет про любовь.

Принесли дары волхвов.
Вместо неба — кров.

На плите кричит каплун,
Волки ждут прыжка,
Плотник точит свой колун,
И в крови рука.

Льётся кровь в мои глаза —
Красный цвет зрачка.
Ровно полночь на часах.
Рядом два сурка.

Один тёмный, другой белый,
Синие глаза.
Пахнет водкой и холерой.
На шкафу сова.

Надо мной висит петля,
Ноги паука.
Летит ангел без крыла.
Запах кизняка.

Кто-то плачет под кроватью,
На полу листва.
Руки тянутся к распятью.
За окном Москва.

Третий сон похож на явь:
Мы играем в карты,
За роялем чёрный князь,
Молятся сектанты.

На раздаче рыжий чёрт.
Бесы жуют кад.
Под ногами жёлтый крот.
Слышу редкий мат.

На кону лежит душа,
Я ловлю удачу.
Мой соперник, бес-ханжа,
Шепчет под раздачу:

“Да, мы бесы без души,
Наша радость — просто дни.
Ты подумай, не спеши,
Проиграешь — не вини”.

“Я согласен, выбор мой,
С вами легче, я чумной.
Я устал быть сам собой,
Мой напарник — домовый”.

Мы играли два часа,
Ели мясо из котла,
На шкафу сова кричала,
И душа моя шептала:

“Мы с тобою много лет,
Я с тобой была честна,
Много слёз и много бед.
Скажи, в чём моя вина?”

Ты же сам меня создал,
Сам искал дороги.
До конца быть обещал.
Ты любил пороки!

Твоя жизнь была со мной:
Ты вперёд, я за тобой,
Ты назад, я впереди.
Ты просил: “Не уходи!”

Я страдала, но жила,
Ты же сам учил меня.
Честь и совесть берегла,
Я любила за тебя.

Ты иудой оказался
Душу дьяволу продал.
Ты пропал, ты потерялся,
За грехи меня отдал”.

Бес смеётся: “Надоело,
Надо быстро доиграть.
Любишь ты гнилое тело.
Возьми деньги, иди спать.

Позови на помощь князя,
Я не против колдуна.
Ткань для савана
Одолжи у горбуна”.

“Хватит бес, не разводи,
Только с ней была весна,
Только с ней я пил дожди,
Она совести нужна.

Душу я тебе не дам,
Убирайся, сатана!
Я её вам не продам,
Она мне была верна”.

“Идиот, забудь про верность
И не думай про любовь.
Лучше зависть, легче подлость,
Слаще с ведьмой на альков”.

Солнце встало утром в пять.
Бес опять сел на кровать:
“Надо спор наш доиграть.
Я хочу тебя забрать”.

Над Москвой Великий Спас.
Бес на крышу убежал.
Красно-розовый Пегас
В мою дверь ногой стучал.

КРОКОДИЛОВЫЙ НАРОД

Жлоб даёт советы снобу,
Как набить свою утробу,
Как украсть зимой метель.
Крокодиловая куртка. Крокодиловый портфель.

Каждый видит всё и сразу:
Кто, кому и по заказу.
Все давно везде протухли.
Крокодиловые страсти. Крокодиловые туфли.

Биржа, Форекс, губы ботокс,
Мясо с кровью, чести кодекс.
Ночь цепляет день — и ломка.
Крокодиловая самка. Крокодиловая сумка.

Без айпада плачет правда.
Всё одно и без контраста.
Шьют дела и дуют в уши.
Крокодиловые прайды. Крокодиловые души.

Кто не с нами — дураки!
Все в долгах и батраки.
“Барин я!” — кричит вельможа.
Крокодиловая ферма. Крокодиловая рожа.

Гол сокол, кругом измена.
Друг пропал, ушла жена.
Локтя нет, один пльиви.
Крокодиловые будни крокодиловой любви.

Чёрный цвет разводит белый.
Лучше тёмный, лучше серый.
Нам домой и всё на блюдец.
Крокодиловое сердце. Крокодиловое тельце.

Через раз все иноверцы.
Захватили мир туземцы.
Город наш, страна не наша.
Крокодиловая лажа. Крокодиловая кража.

На Покровке строят дом.
Все кричат: “Он вор и гном!
Научите нас украсть!”
Крокодиловая масть. Крокодиловая пасть.

Снял с плеча не свой пиджак.
Ничего, он наш вожак,
Раз при власти — на поклон.
Крокодиловый закон. Крокодиловый шаблон.

День и ночь кругом мольба:
Пусть дадут по два раба.
Деньги зло, нам лучше льготы.
Крокодиловые звуки. Крокодиловые ноты.

Всем стоять, и по порядку!
Бабка деду даёт взятку.
Скоро выпьем кислород.
Крокодиловая водка. Крокодиловый народ.

Нет работы — не судьба.
Пьёт, гуляет голытьба.
Все масоны, где-то ложа.
Крокодиловая хитрость. Крокодиловая кожа.

Жить по совести — рулетка.
Метка чёрная — и клетка.
Лесть играет с честью в прятки.
Крокодиловые шутки. Крокодиловые святки.

Шпунтик пьёт, талант не в счёт.
Винтик плачет, ум в зачёт.
К нам упал с Луны Незнайка,
Крокодиловая душка. Крокодиловая зайка.

Хочешь — десять, хочешь — сто.
За любовь одно пальто.
Впятером один массаж.
Крокодиловый пассаж. Крокодиловый пейзаж.

Наша жизнь — одни курьёзы,
Всё бесплатно, и побольше.
Хочу много, текут слёзы.
Крокодиловые прозы. Крокодиловые грёзы.

“Я ОБЯЗАТЕЛЬНО ВЕРНУСЬ”

Усталой поступью по жизни
Идёт и кается судьба.
Конец пути — обед на тризне,
Две рюмки водки и хвальба.

Моя душа, презрев усталость,
На день останется с тобой.
И, веря в искреннюю жалость,
Я ночь оставлю за собой.

Я буду жить у изголовья,
Тяжёлый сон оберегать.
Я буду греть тебя любовью
И до утра глагол спрягать.

Я обязательно вернусь,
Вернусь зелёною листвою.
Дождём тебя слегка коснусь,
А может, радугой цветной.

В саду подснежником вернусь.
Когда зима покинет пост.
Возьму за плечи и прижмусь.
Спрошу тебя, как сын подросток.

Вернусь дождями ноги мыть,
И солнцем, чтобы день открыть.
А может, в знойную жару
Прохладным ветром обниму.

Старушкой-нищенкой вернусь,
У входа в двери спотыкнусь.
Ты быстро руку мне подашь,
Заплачешь и любовь отдашь.

Протянешь воду и лаваш.
Подаришь платье, денег дашь.
Я буду запах твой вдыхать,
И моя тень начнёт дрожать.

И веки станут разбухать,
Ты будешь долго утешать.
И наша боль в одну сольётся,
И вечер горько улыбнётся.

А может, я вернусь зимой,
На Рождество приду домой.
Быть может, снегом на окне,
Цветным узором на стекле.

Вернусь я ночью, полутьмой,
Метелью, снежной кутерьмой.
Кружиться буду и скучать,
И дом любовью охранять.

А может, я приду при свете,
Рекламной вставкой в интернете.
Слезой ночной, глухонемой,
Беззубым стариком с сумой.

А утром кислой пастилой,
На листьях снежной бахромой,
Костром погасшим и золой,
И ты мне скажешь тихо: “Мой”.

Вернусь апрельской нежной ранью
И отомкну глазами спальню.
Ты быстро встанешь и поймёшь,
И озираясь, тень найдёшь.

Я осенью к тебе вернусь
И с неба громом громыхнусь.
Листою жёлтою, кружась,
До вечера в любви божась.

И летом бабьим в сентябре,
Свечой на скорбном алтаре.
Фиалкой синей на парче,
Тяжёлой ношей на душе.

А может, белым журавлём
И тёплым проливным дождём.
Печальной розой во дворе,
Застывшим солнцем в октябре.

Вернусь игрушкой-неваляшкой,
Найдуся бездомною дворянкой.
Вокруг тебя буду бежать
И нежно пятки целовать.

Листом кленовым на заре
И буквой “я” на букваре.
А может, ржавым зимородком,
И нагишом во сне коротком.

Вернусь замёрзшим февралём,
Сыграем Моцарта вдвоём.
Романсом грустным на гитаре
И белым танцем, где мы в паре.

Сиренью белой на окне,
Улыбкой горькой на луне.
Июньским пухом на бульваре
И мятным чаем в самоваре.

Помадой красной на губе
И белой чайкой на волне.
Слезам памяти в вине
И сладким мёдом на блине.

Я твою страсть на час раздену
Лучом горячим на коленях.
Я буду сердце межевать
И чувства к чувствам плюсовать.

Я солнце попрошу поспать
И до восхода сутки дать.
Я тело буду корчевать,
И ночь подскажет, где кровать.

Я шторы тихо опущу,
И ночью в сон к тебе зайду.
Любовью спальню озарю,
И прошепчу, что я люблю.

Я буду джем с тобой варить,
Бразильский кофе подносить.
Ночами простыни стирать,
И день, и ночь тебя ласкать.

Дышать с тобой одним дыханьем,
Желать желания стенаньем.
Я в полночь солнце привезу,
Достану с неба бирюзу.

Я в полдень принесу луну,
И подарю зимой весну.
Отдам любви по близнецу
И помогу летать птенцу.

Я буду ждать, любить и ждать,
К луне и солнцу ревновать.
Сквозь время чувства целовать,
Вокруг ходить и горевать.

Я буду грязью на подошве,
Коровкой божьей на ладошке,
Холодной каплей на листве,
И белым инеем в траве.

Улыбкой нежной на матрёшке,
Глазами детства на обложке.
Цветным рисунком на ковре,
Отцом и другом детворе.

Вернусь, мурлыча, словно кошка,
Вернусь принцессой на горошке.
Морозом лютым в декабре
И женским днём в календаре.

Сыграю в праздник на гармошке,
Врачом приеду в неотложке,
Собакой верной в конуре,
Цветком на лунном пустыре.

Не говори, что ты вдова,
Ты — есть, была моя жена.
Ты в церкви свечи прикупи,
Поставь за упокой души.

Я дочке в глазки загляну,
И с неба звёзды соберу.
Ладонью к ручке прикоснусь,
Даю вам слово, что вернусь.

Я все обиды зачеркну,
Семье надежду одолжу.
Я вам клянусь, что я вернусь,
Я своей кровью распишусь.

Я к вам вернусь, приду, вернусь,
Вы подождите, я клянусь.
Я вам свою любовь верну,
Я постараюсь и дерзну.

Я буду воздух и вода,
Поверь, ты будешь мной горда.
Я мыслями с тобой свяжусь
И от любви преобразусь.

Я так люблю, не надышусь,
Я каждый день с тобой ложусь.
Не предавай, я так горжусь.
Мне тяжело, но я держусь.

Я буду взгляд твой целовать
И ночью тихо наблюдать,
Улыбкой душу бередить.
Я не могу тебя забыть.

Я буду тенью обнимать,
Ты о другом не смей мечтать.
Ты будешь мне принадлежать,
Я буду рядом ждать, молчать.

Не сможешь ты с другим лежать,
Ты будешь голос мой искать.
Ночами выть, изнемогать,
С утра в истерику впадать.

Я обязательно вернусь,
Сквозь вены в сердце заберусь.
Твоим дыханьем излечусь,
И поцелуем расплачусь.

Я мысленно войду в сознание,
И ты услышишь заклинание.
Я буду ждать, любить и ждать,
И тихо время возвращать.

А летом ты поедешь к морю,
Я это право не оспорю.
С тобою в волны окунусь
И от бессилья разревусь.

Я уступлю в ненужном споре
И попрошу луну в дозоре
Сберечь мою любовь от хвори,
И вечность времени ускорю.

Я обязательно вернусь,
И летним зноем распахнусь.
Я буду верить, буду ждать,
Любить и снова вспоминать.

Не надо, милая, рыдать,
Не надо чувства разрывать.
Я виноват, ты не сердись,
Ты помни, помни и молись.

Я в церковь не хожу, смеюсь,
Мы встретимся, я искуплюсь.
Я здесь один и не женюсь.
Я верю, жду и не сорвусь.

Незримо я с тобою рядом,
Я прилетаю снегопадом.
Кажусь осенним листопадом,
И летним розовым закатом.

Вокруг тебя у ног верчусь,
Смеюсь, и плачу, и сержусь.
Всю ночь смотрю, не нагляжусь,
Когда ты спишь — с тобой треплусь.

На Юрьев день к тебе вернусь,
Я достучусь и возвращусь.
Не дам тебе со мной порвать,
Люблю, когда скрипит кровать.

Я по следам твоим иду,
И наши чувства берегу.
Я так устал, я соберусь,
Я обязательно вернусь.

Ты мне скажи, ты устаёшь?
Я знаю, любишь и поймёшь.
Я нашу страсть с собой ношу,
И строчки памятью пишу.

Клянусь, что с ветром прилечу,
Закатом нежным обхвачу.
Твой сон, целуя, обниму,
И всем скажу, что никому

Я не позволю, не отдам.
Я за любовь тебе воздам.
Я позвоню, ты не грусти,
Не плачь, родимая, ты жди.

Я не отдам и не прошу,
Любовь невидимо внушу.
Ты — моё счастье без крыла,
Моя любовь горит дотла.

Да, ты не веришь чудесам,
Ты — моё сердце, мой бальзам.
Я буду ждать, ты приходи,
Я рядом здесь, ты не дрожи.

Ты сильной будь, не унывай,
Прошу, не плачь и не страдай.
Я стужу летом замещу,
Куплю машинку малышу.

Ты сказки детям почитай
И спой им песню “Каравай”.
Ты говори и повторяй,
Что я вернусь, не забывай.

В кругу друзей своих любимых,
На вечеринках скучных зимних
Не смей, не вздумай изменять —
Я буду за спиной стоять.

И свет любви наш, негасимый,
Нас озарит, и я, незримый,
Руками крепко обниму,
И тень твою на ночь возьму.

Не отпущу тебя на час —
Я не могу без твоих глаз.
Ты — суть любви, моя напасть,
Ты — моя боль, не дам украсть.

Я сам себя готов карать,
Ты — моя власть и моя страсть.
Я буду ночи зажигать,
Губами ноги вытирать.

Все мои мысли напоказ,
Готов на всё и жду приказ.
Ты не спеши, я научусь,
Я обязательно вернусь.

Да, виноват, я не ценил,
Я думал просто и любил.
Я не могу, прости меня,
Моя цена — любовь твоя.

Я — одиночество, калека,
Моя любовь другого века.
Я буду небо умолять
Твою любовь короновать.